

ДАТ ДИАЛОГ

Берик Жылкыбаев:
ОТ ХОЛОПСТВА
не останется и следа

Сегодня о творческом (и не только) состоянии мы беседуем с Бериком Жылкыбаевым – известным филологом и писателем, литературным исследователем. Его мысли порой кажутся излишне оптимистичными, но в них прослеживается глубокое сопереживание за, извините за клише, текущий момент.

– Берик Магисович, так получилось, что казахский народ в своей истории перескакивает из формации в формацию – из кочевого феодализма в царизм, из царизма в социализм, отсюда на наши головы валится внезапно суверенность. Такие процессы не проходят бесследно. При этом переписывается история, что, в принципе, объяснимо. Но в то же время создается мифотворчество, которое сейчас у нас приняло угрожающие масштабы. Какой-нибудь аульный забияка и драчун объявляется батыром, ничтожный в политическо-социальном плане человек превозносится как спаситель народа. Как вы к этому относитесь?

– Я отношусь к этому очень спокойно. Кто знает историю казахского народа, центральноазиатских народов, вообще историю Ближнего и Среднего Востока, тот должен понимать, что кочевничество, с одной стороны, приносил великие блага народу. А с другой стороны, это был тот ареал, вернее, даже регион, где можно было все стирать и все начинать заново. Неслучайно в казахском быту, в казахской жизни установились традиционные семейно-родовые отношения. Неслучайно казахи долгими веками пользовались переносным жилищем – юртой. Один китайский путешественник и мудрец очень крупного калибра восхищался казахской юртой и говорил, что в ней сосредоточен комплекс всего мироздания, в котором отражается мировосприятие казахов. Базируясь на этом, я пришел к выводу, что в любой ситуации, в которой может оказаться казахская семья, в крайних пределах – от самого оптимального до самого оптимистического, казах, находясь в своей юрте, в своей семье, не потеряет своего менталитета, заложенного в многовековом существовании в Великой Степи. Во-первых, казаху присуще свободолюбие. Если начнешь притеснять казаха, он соберет свою юрту и откочует куда-нибудь подальше. А если казаха будут встречать гостеприимно, встречать с доверием, то это высшее благо для тех, кто соседствует с этим народом. Хочу остановиться на попытках некоторых наших ученых, академиков и просто патриотов, каковыми они себя считают, переписать заново историю казахской Степи. У них ничего не получится. Для того чтобы написать такую историю, нужно вжиться в казахскую среду, побывать среди народа, знать его настроение, проследить жизнь нескольких поколений семей, проникнуться духом, который ведет казахский народ. Это дух свободолюбия и опоры на собственные силы.

– Выходит, те, кто пишет историю, оторваны от корней?

– Произошла очень печальная метаморфоза, на мой взгляд. Когда чувство необходимости приспособливаться к обстоятельствам, допустим, к погодным, неурожаю, джуту, из которых казахи всегда выходили если не победителями, но, во всяком случае, непобежденными, эти стихийные бедствия трагическим образом отразились на судьбе народа. В советское время и в годы царизма казахов пытались лишить свободолюбия. Каждый аул носил вместо названий номера – 11-й, 12-й, исконные названия аулов сохранились только в памяти жителей. Для царской администрации это были аулы-номера,

при советской власти тоже появились наносные «Путь Ильича», «Правда Востока» и было закреплено место каждого аула, когда он не мог передвигаться, уходить. Фиктивно были выделены какие-то надель, которыми будто владел аул, но на самом деле, ими владели царские ставленники – баи, ставленники советской власти – председатели колхозов, которые напрямую зависели от вышестоящей власти. Вот это ограничение в свободе передвижения, мышления, творчества – песенного и музыкального – пагубно отражается и сегодня на жизни казахского народа.

Вот, например, запретили проведение айтысов. Но это не значит, что все казахи бросили свою вековую подругу – домбру и замолчали. Нет, эти запреты только разжигают страсть к песенному творчеству. Пусть люди не думают, что с запретом официальных айтысов прекратились айтысы вообще. В аулах, на селе люди поют такие песни, от которые многим властвующим бы не поздоровилось.

– Простите, насколько я знаю, айтысы в последнее время потеряли свое исконное предназначение и превратились в состязания, кто громче восхвалит президента и партию «Нур Отан». Разве это не так?

– Этак так, если на это смотреть с официальной точки зрения. Такие айтысы превратились в песенный рупор восхваления власти. А я говорю о тех айтысах, которые не ангажированы, не запрограммированы, не проплачены, когда молодежь собирается и поет незаказные песни. В них – отражение бытия, исторической памяти, того менталитета, который присущ простому народу. Такие айтысы надо отличать.

– Можно ли в этой связи говорить, что в том числе официальные айтысы причастны к новому мифотворчеству?

– Безусловно. И эта причастность запланирована нашими так называемыми деятелями культуры. Я не скажу, что это слуги дьявола, это слуги существующего официального установленного порядка.

– Хорошо, вы выше сказали, что казаху присуще свободолюбие, и если его притесняют, он собирает свою юрту и откочевывает. К сожалению, реальность такова, что казах лишен этой возможности, а притеснение приняло разные, порой уродливые формы, и теперь человек привязан к одному месту или добровольно, или насильно...

– Я должен сказать, почему получилось так. У Энгельса есть классическая работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это три кита, на которых держится любая цивилизация. У казахов был аул – большая семья, где были младшие, старшие, подчиненные, но каждый человек знал, что в своем ауле он не пропадет, не умрет с голода, может подняться, может совершать такие поступки, о которых ему в другом месте не позволят даже мечтать.

Казахская семья в современном ауле претерпевает странные метаморфозы. Как всегда, в любом обществе выделяется группа состоятельных людей, которые владеют, командуют, прибирают к рукам то, что плохо лежит, то, что плохо защищается, то, что можно отнять и присвоить... Это происходит в порядке вещей в любом восточном государстве. Сняться с места, уехать из аула семье очень трудно, потому что, куда бы ты ни пошел, везде стоят заборы, препоны, все участки распределены – это мое, не трогай... Но если казахская семья уйдет из аула, она превратится в группу бомжей. Что остается делать казахам-юношам? Свободолюбие трансформируется в поиски заработка – для того, чтобы просто прокормить себя, семью.

Вся беда в том, что свободолюбие ограничивается с самого верхнего уровня и до самых низов.

– Получается, что простой человек или привыкает, или уже свыкся со своим бедственным положением, а вот дух свободы загнан так, что его не видно и не слышно?

– Свободолюбие проявляется в предпринимательстве, которым занимаются многие. Не надо думать, что казахи, мол, вот такие бедные, огорченные, заплакали, стали метаться из стороны в сторону в поисках лучшей доли. Мы видим, как ребята объединяются в какие-то артели, группы, выступают в роли строителей, коммерсантов. В общем, они стараются

как-то реализовать себя на том участке пространства, которое им предоставляет жизнь. К сожалению, распространено мнение, что среди казахов есть много криминальных элементов, – это заблуждение, проявление крайних случаев. К моей горечи, эти крайние случаи как раз и муssiруются в печати, на них обращают внимание, и не говорится о положительных примерах, о талантливых самородках, которые находят выход из положения.

Вспомните, например, ансамбль «Дос-Мукасан». Это не исключение, таких ансамблей можно было набрать тысячи по всему Казахстану, если бы была проявлена забота, оказана поддержка, если бы власть относилась с должным вниманием к казахской молодежи.

– Знаете, даже и в этих проявлениях творчества присутствовала пропаганда и идеология, что является постоянным атрибутом любой власти. Но не кажется ли вам, что при нынешнем режиме правители очертили круги для страт, определенных слоев населения? Типа, ты родился в ауле, значит, оставайся там; то же самое происходит с литературой и искусством, – обласканными остаются те, кто восхваляет и превозносит эту власть, которая взамен дает им материальные блага, позволяющие чувствовать себя чем-то значимым.

– Алмат, согласен с вашим замечанием, что ограничена свобода выбора. Если бы молодой человек имел свободу выбора, не стоял перед дилеммой: остаться голодным или преступить свои нравственные каноны – то все было бы иначе. Здесь устанавливаются отношения заказчика-работодателя и исполнителя. Те люди, которые сейчас выступают в роли придворных певцов, панегиристов, имея свободу, смогут говорить, что они хотят, петь песни, которые им по душе. И от бывшего холопства не останется и следа.

– Я думаю, говоря об этом, вы оптимистично смотрите в ближайшее будущее. Вы говорите, что если их «освободить», они обретут свои первоначальные формы. Но здесь можно привести пример с собакой на привязи: она еще с щенячьего возраста знает только привязь и ошейник, а как только ее освобождают от них, она не знает, куда идти. Не получится ли так с придворной творческой элитой, которая, если ее «освободить», не будет знать, что ей делать, так как у нее не останется потенциала для нового созидания?

– (Горько усмехается). Я понимаю, если отпустить от кормушки всех, кто к ней привязан вольно или невольно, то, конечно, значительная часть, не привыкшая уже к свободе творчества, к самостоятельности, не привыкшая быть личностями, пропадет и уйдет в забвение. Но есть и другая часть, далеко не глупых, которые вынужденно должны, будучи волками, носить овечью или собачью шкуру.

Сравнение с собакой, у вас, конечно, очень своевременное, удачное. Но заметьте, что те собаки, которые оторваны от кормушки, или пропадают поодиночке, или сбиваются в стаи и начинают промышлять, и это отрицательный момент. Но люди тем и отличаются от собак, что собачьи черты они усваивают временно, а когда они почувствуют себя людьми, ничего собачьего у них не остается, кроме преданности семье, традициям, – это хорошее качество.

– Берик Магисович, мы сейчас предварительно очертили некоторые направления, которые послужат основой для нашей следующей беседы, и думаю, что в дальнейшем мы поговорим более подробно об обозначенных проблемах и о тех, что возникнут в ходе нашего следующего диалога. Спасибо!

Беседовал
Алмат АЗАДИ